

Евгений Попов: *Вел. Москва - 1998 - 9 июля - с. 12.* В разгар антиалкогольной кампании мне пришлось поить миллионера

Итак, мы встретились в одном милом месте, где принято стоять, и он сказал, беззвучно чокнувшись пластмассовым стаканчиком:

— Я рестораны не люблю, так сложилось. Во-первых, когда я студентом приехал в Москву, я был беден. Вторая причина — в рестораны всегда была очередь, стоял скотина швейцар, а внутри над тобой измывались как хотели. Знакомый повар однажды привел меня за кулисы ресторана «Динамо», и я увидел: официант прибегает: «Скорее! У меня там грузин напивается, надо ему подать чего-то!», а потом счет накручивать, естественно... И вообще мне не нравится обстановка прилюдного поедания-выпивания, за исключением двух-трех мест в Москве, скажем, ресторана Дома кино... Потрясающий ресторан был в Минусинске, напротив церкви, где венчался Ленин с Надеждой Константиновной, представляешь? Кстати, чем дальше от Москвы, тем в ресторанах лучше готовили. Там были вкуснейшие пельмени, которые лепили руками, и приправа из помидоров с чесночком. Стоит важный швейцар, и я вижу сцену: идет мужик сибирский, а швейцар ему: «Куда прешь, японец?!». Мужик был в полушубке и в майке. Он говорит: «Что ж ты кричишь, я же из бани». — «А, из бани... Тогда проходи». Швейцар у него принял полушубок, и он в майке сел кушать пельмени.

— Из бани — уважительная причина.

— Да, не просто пьян.

— А западные рестораны?

— В Париже у меня была знакомая, глубоко пожилая женщина из первой русской эмиграции. Богатая, муж у нее француз, какой-то делец. И он привез нас, как мне показалось, в какой-то занюханный шалман. Там я впервые съел устриц, которых с тех пор очень люблю, потом каких-то морских ежей, которых тут же при нас раскалывали. Я как стесняющийся советский человек думал, что не так уж им дорого обошлось, миллионерам. А выяснилось, что это один из самых дорогих кабаков. Потом они приехали в Москву, и угораздило — как раз во время антиалкогольного указа! А я-то хотел соответствовать, я привел их в ЦДЛ, и не было никакого напитка, кроме мерзейшего шипучего-игручего вина, которого француз, мне кажется, исключительно из вежливости, выпил целую бутылку. Ну думаю, если с ним что-то случилось, то уж не я виноват.

— А вспомни-ка, Евгений, что-нибудь из времен, когда ты жил в городе К, стоящем на могучей сибирской реке Е.

— Да, ты напечаталась, а сыночек мой прочтет... Я учился в классе в девятом-десятом, а поскольку отец умер, и я рано стал работать, у меня водились денюжки. Товарищи моей старшей сестры Наташи, студенты, звали меня в ресторан, чтобы я за них заплатил. Заказ их состоял из огромного количества портвейна и сыра. Мне нравилось, поскольку я был как-то под защитой взрослых. Однажды я не успел сделать уроки, и они там сидели пьянствовали, а я разложил тетрадки на ресторанном столе... Портвейн они не допили, я его как экономный человек забрал, а утром, уже придя в школу, обнаружил, что все тетрадки залиты портвейном.

— Значит, уроки для тебя было святое.

— Я же должен был учиться.

— О твоём участии в альманахе «Метрополь» тебя, наверное, спрашивают в каждом интервью.

Евгений НЕКРАСОВ

Человек с европейски известным литературным именем «Евгений Попов» создал «город К, стоящий на берегу великой сибирской реки Е» и населил его прекраснотушными прорабами, философствующими алкоголиками и красивыми женщинами. За это его сгоряча приняли в Союз писателей СССР, но быстро разобрались и выгнали. Восемь лет спустя разобрались как следует и опять приняли. С тех пор Евгений Попов освоил не только город К, но и множество других городов России, а также зарубежья. Сейчас он заселяет их в основном собой. Читать это по-прежнему интересно, хотя мне (мне лично) не хватает прежнего поповского героя-рассказчика, бесшабашного, веселого и трагичного. (А также остро не хватает того, что было тогда и в его рассказах, и в моей жизни: молодости, неподдельного портвейна и ощущения страны, как огромной коммуналки.)

Фото Дмитрий АБАЗЫ

Давай, чтобы не повторяться, посмотрим на эту историю с гастрономической точки зрения.

— Есть у Аксенова замечательный роман «Скажи «изюм». Там как бы история альманаха «Метрополь»: есть люди, которые под своими именами, есть сборные персонажи — грубо говоря, усы Сапгира приклеиваются на лицо Алешковского, — и есть персонаж, который условно соотносится со мной. Я тогда жил в квартире, где собирались альманаховцы, это квартира покойной матери Аксенова. И он описал — я даже не знал, что у него такой зоркий взгляд, — как этот персонаж сурово всех встречал фразой: «Кроме супа, ничего нет». Как бы считалось, что человеку первым делом нужно дать пожать. Ну и водочка водилась у меня или у прихожих людей. В крохотную однокомнатную квартиру набивалось тридцать человек. В комнате за столом горячо решались вопросы тактики и стратегии: писать ли письмо Брежневу и отвечать ли на клевету в «Московском литераторе», а на кухне тем временем народ уже выпивал, и слышались веселые крики.

— Как ты относишься к Аксенову? У тебя есть внутренняя формулировка — «учитель», «старший товарищ»?

— Я его люблю. Он крестный моего сына.

— Все-таки «Метрополь» была его инициатива?

— Это пришло в голову им вдвоем, Ерофееву и Аксенову, в зубодробном кресле. Они вместе пошли

лечить зубы, чтобы не бояться. Аксенов говорит: «Хорошо бы на Западе издать альманах», а Ерофеев: «Зачем на Западе, когда можно здесь?». Все-таки приоритет-то, наверное, ерофеевский, он был мотором, а центральный человек Аксенов... Замечательный писатель, и мне сильно не нравится, что его сейчас как бы даже со счетов снимают. Он написал прекрасный роман «Новый сладостный стиль», который сейчас выдвинут на Букера, а перед этим у него был очень хороший сборник рассказов «Негатив положительного героя». Возьми любую вещь Аксенова — я полстраницы прочту и могу безошибочно сказать, что это им написано. Мне очень нравится, как он работает со словом. На моих глазах он для «Метрополя» переводил Апдайка. Сначала я видел английский текст, потом он сам себе сделал подстрочник, уже начал по-русски, приблизительно, какие-то слова оставляя английские, а третий вариант — исключительно из русских слов, но перекрученных, и он каждый раз вбивал в эту обойму тот самый патрон, который нужен, слово безошибочное — все ахали, такое он находил слово!

— Как-то получилось, что мы хронологически пошли по твоей биографии. Давай продолжать. После «Метрополя» тебя исключили из Союза писателей, и ты торговал картинками.

— Нет, я это начал еще до «Метрополя», и потом «торговал картинками» можно говорить достаточно условно. Я служил в Художествен-

ном фонде РСФСР инспектором по реализации. Суть работы была такая, чтобы не ходить на работу. Раз в три месяца нужно было съездить в командировку в любое место Советского Союза, которое я выбирал сам, и привезти заказы для художников, которых я никогда в жизни не видел — так было принято, чтобы я не был заинтересованным лицом.

— То есть ты договаривался о работе для художника, не зная его манеры и способностей?

— Для этого была распределительная комиссия. Я, например, привозил из командировки договор с каким-нибудь заводским клубом: монументальная живопись, тридцать квадратных метров, на тему космоса или урожая, докладывал своему начальству, а уже комиссия распределяла договоры между членами Союза художников. Те люди, которые ближе с художниками, были будущие миллионеры, они уже тогда имели на этом огромные деньги... Это длинный рассказ, роман надо писать, но я его никогда не напишу.

— Потому что...

— Ну как Иван Рыжов написал историю русских кабаков, но сжег ее, чтобы не подводить людей, так вот и здесь. Кстати, я должен воспеть хвалу Худфонду, который собирал аутсайдеров жизни. Исполнители делились на два типа: отставные военные, гебэшники — был там человек, который официально имел справку, что он старожил России, ему 90 лет, фамилия его была Вампилов, — а остальные были отовсюду выгнанные или спившиеся, какие-то журналисты, которые погорели еще в 1968 году за Чехословакию. Кстати, там в свое время служили Толя Ким и Антонов-Овсеенко. Как ни странно, там был плюрализм. В дни получения — зарплата сто рублей, гроши — можно было зайти в контору и там в клубах дыма от сигарет «Прима» вдруг услышать: «И все-таки я с концепцией Чаянова не согласен, Солженицын решительно прав!». Это в 1979—1980 годах. Во время этих разговоров засовывается голова старожил-коммуниста: «Товарищи, у нас скоро партийное собрание, подготовьте вопросы». Ему отвечали: «Подготовим, подготовим», а были никакие ни коммунисты, слыхом не слыхивали про партийное собрание.

— И вот тебя выгнали из Союза писателей...

— Контора за своими питомцами следила, гордилась, когда меня напечатал «Новый мир» с предисловием Шукшина. Один, правда, нашелся завистник, который сказал: «Как ты пролез? Лучше бы меня напечатали». Когда пришли гебэшники с тем, чтобы меня увольнять, велели парторгу Дорошевскому, царствие ему небесное, большому любителю портвейна и других напитков, писать на меня характеристику. Он гениально написал: «Попов работает в управлении реализации Худфонда с такого-то года. План в среднем выполняет на 140 процентов, друзей на работе не имеет». «Ты что это написал? — они говорят. — Думаешь, его на премию выдвигают?!». А он: «Если он провинился перед советской властью по линии Союза писателей, пусть там и разбираются. А здесь мне совесть коммуниста не позволяет сказать что-нибудь плохое, поскольку я ничего этого не знаю». Нет, про контору — только добрым словом. Когда у меня был первый официальный вечер, году в 1986-м — в Союзе писателей меня еще не восстановили — я позвал бывших конторских коллег, и они сидели очень довольные. Полный зал был. Тогда литературой еще интересовались.

Попов Евгений

09.07.98